

Antologie staroruských textů 11.–17. století

Pramen (pokud neuvedeno jinak):

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>

(bez poznámek)

Повесть временных лет

Полянѣмъ же живуциим о собѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣstechъ, володѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь. И сѣдьяше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдьяше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Шековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюду же прозвася Хоривица. Створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и наркоша ѿ Киевъ. И бяхе около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяхуть бо мудрѣ и смыслени, и нарицахуся поляне, от нихъ же суть поляне — кияне и до сего дни.

Инии же, не вѣдуще, ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Киева бо перевозъ бяхе тогда съ оная страны Днепра, тѣмъ глаголаху: «На перевозъ на Киевъ». Аще бо былъ перевозникъ Кый, то не бы ходилъ къ Цесарюграду. Но сий Кий княжаше в роду своем, и приходившю ему къ цесарю — не свѣмы, но токмо о сѣмъ вѣмы, якоже скажутъ: яко велику честь приялъ есть от цесаря, которого не вѣмъ и при которомъ приходи цесари. Идушю же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби городокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему близъ живуциим; еже и донынѣ нарѣчють дунайци городище Киевѣць. Киеви же пришедшю въ свой городъ Киевъ, ту и сконча животъ свой, и брата его — Щекъ и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь ту скончашася.

И по сей братья почаша дѣржати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дръговичи свое, а словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже и полочанѣ. От сихъ же и кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины

и на вѣрхъ Днѣпра, ихъже и городъ есть Смолѣнскъ; туда бо сѣдятъ кривичи. Таже сѣверо от них. На Бѣлѣ озерѣ сѣдятъ вѣсь, а на Ростовѣ озерѣ меря, а на Клецинѣ озерѣ сѣдятъ мѣря же. А по Оцѣ рѣцѣ, кде втечетъ въ Волгу, языкъ свой — мурома, и черемиси свой языкъ, и мордва свой языкъ. Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новгородьци, полочане, дърьговичи, сѣверо, бужане, зане сѣдятъ по Бугу, послѣже же воляняне.

И се суть инии языцѣ, иже дань даютъ Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пѣрмь, печера, ямь, литва, зимѣгола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колѣна Афетова, иже живутъ на странахъ полунощныхъ.

Словенську же языку, якоже ркохом, живуцю на Дунаи, придоша от скуфѣ, рекше от козарѣ, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, насѣлницѣ словеномъ бѣша. А посемъ придоша угре бѣлии и насѣдиша землю словѣнскую, прогнавше *волохы*, иже бѣша приялѣ землю словенскую. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цесари, иже ходиша на Хоздроя, цесаря пѣрського. В си же времена быша и обре, иже воеваша на цесаря Ираклия и мало его не яша. Си же обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскимъ: аще поѣхати бяше обрину, не дадыше въпрячи коня, ни волу, но веляше въпрячи 3, или 4, ли 5 женѣ в телѣгу и повести обрина, и тако мучаху дулѣбы. Бяху бо обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроша вси, и не оста ни единъ обринъ. И есть притча в Руси и до сего дни: погибоша аки обри, ихъ же нѣсть ни племене, ни насѣдка. По сихъ бо придоша печенизѣ, и паки идоша угри чернии мимо Киевъ послѣже при Ользѣ.

Поляномъ живущимъ о себѣ, якоже ркохомъ, сущии от рода словѣнська и наркошася поляне, а деревляне от словенѣ же и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховѣ. Бяста бо два брата в лясѣхъ: Радимъ, а другый Вятко, и, пришедша, сѣдоста: Радимъ на *Съжю*, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде своимъ родомъ по Оцѣ, от него прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и северо, и радимичи, и вятичи и хорвати. Дулѣби же живяху по Бугу, кде *нынѣ* воляняне, а уличи, тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и *присѣдяху* къ Дунаеви. И бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне, да то ся зовяху от Грѣкъ Великая скуфѣ.

Имѣяхуть бо обычая своя и законы отецъ своихъ и предания, каждо своя норовѣ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имяху тихъ и *кротокъ*, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ своим, и снохы къ свекровамъ своимъ

и къ дѣверемъ велико стыдѣнье имуще. И брачный обычай имѣаху: не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху что на ней владуче. А деревляни живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьскы: и убиваху другъ друга, ядуще все нечисто, и браченья в нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А радимичи, и вятичи и северо одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякій звѣр, ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отыци и предъ снохами, и бѣраци не бываху в нихъ, но игрища межю селы, и схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто свѣщевашеся. Имяхут же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложить на кладу мертвѣца и съжигаху, и посемъ, събравше кости, вложаху въ <...> ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ, иже творять вятичи и нынѣ. Си же обычаи творяху и кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона Божия, но творяху сами себѣ законъ.